

В. А. Сидоров

ПОЗНАНИЕ КАК СУЩНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННОГО БЫТИЯ ЖУРНАЛИСТА

Душа, притихнув, ждет событий —
«Чего-то» ждет...

Ю. Тувим

В утверждении — подступило время информационной цивилизации — нет новизны, так многими говорить принято. И приняты, еще со времени публикации трудов Д. Белла, Э. Тоффлера, Дж. Несбитта, соответствующие аргументы. Например, широко известно, что сегодня в наиболее развитых странах уже более половины работающих занято деятельностью только с информацией. В этом факте усматривается неопровержимое свидетельство продвижения социальных систем к информационному обществу. Правда, само информационное общество рассматривается его поборниками как некий идеал, которому еще только предстоит реализоваться. В то же время следует признать, что и скептики с их контрдоводом — информация остается информацией и не заменяет реально колосающую на полях пшеницу или созревающую в мартеновских печах сталь — имеют право быть услышанными.

В контексте заявленной в статье проблематики возможная дискуссия по поводу информационного общества ни к чему. Но нельзя не признать, что для нас тезис об информационной цивилизации оказывается удивительно своевременным и удобным, потому что журналист был, есть и будет в центре информационных отношений в обществе. Он там, где социально значимую информацию собирают, подвергают обработке и распространяют по каналам массовой коммуникации. В то же время журналистская деятельность несет в себе некий шанс на примирение, или даже взаимопонимание, сторонников и противников теории информационного общества. Нет, журналист ничуть не сглаживает известное научное противостояние, да и не в его компетенции эта проблематика, просто он строит своеобразный мостик между реальным и виртуальным, превращает свое узнавание мира в информацию о нем, являясь активной силой, оказывающей свое воздействие на бытие. И если, как выразился М. Фуко, возникла необходимость поставить вопрос о бытии человека как основе всякой позитивности¹, то именно журналистике во многом оказалось по плечу принять участие в поисках ответа на этот вопрос, хотя бы в качестве неумолимого собирателя всевозможных сведений — информации, тем самым недвусмысленно подчеркнув, что познание следует воспринимать в качестве и сущности, и формы общественного бытия журналиста.

Информация — результат процесса взаимодействия, и информационные процессы выступают в качестве средства управления системами, принимающими информацию². Информация стала товаром, ее продают и покупают. Товаром, правда, весьма специфическим, поскольку информация при переходе от продавца к покупателю не перестает принадлежать продавцу, а это, как заметил Павел Гуревич, не просто какой-то иной вариант поведения товара на рынке. Это нечто большее³. То большее, что несомненно изменяет как место и роль журналиста в общественных процессах, так и наши представления о роли журналиста в социальной системе.

Еще совсем недавно мы представляли себе журналистику через образы, унаследованные нами от прошлого, в котором было многое — и борьба за свободу печати, и восприятие газет как средства классовой борьбы. . . Однако каждый по-своему понимал свободу печати, и свое перо приравнивал к штыку, но только к тому, что был ближе. Естественно, эта немислимая взвесь разного рода представлений, теорий, предубеждений — как вне, так и внутри журналистского цеха — совершенно не способствовала обретению общего языка. С чем и вступили в XXI век. Вступили, даже не заметив, насколько по-иному зазвучали прежние проблемы.

Старые речи о «свободе печати», пишет политолог Дж. Кин, воскрешенные сторонниками свободного рынка, напоминают о временах набранных вручную брошюр, грошовых газет, издававшихся малым тиражом трактатов на нравственные и научные темы и широко распространенной веры в децентрализованную рыночную конкуренцию как главное противоядие политическому деспотизму. Сторонники «свободы печати» в начале XX в. направляли свою критику главным образом против государственного регулирования средств коммуникации. Сегодня, наоборот, друзья «свободы печати» должны признать, что свободу коммуникаций ограничивают рынки коммуникации⁴.

Прочитанному труду, в котором так нелепо представлены старого образца дебаты о свободе печати, почти четверть века. Сегодня, в эпоху тотального ускорения изменений в мире, можно предположить, что и это мнение уже выглядит анахронизмом. Многие изменилось в сфере массмедиа, если отчетливое понимание буквально всеми значительной ограниченности свободы СМИ — со стороны ли государства, со стороны ли частного капитала — уже не задевает почти никого, воспринимается в качестве совершенно объективной неизбежности.

Новое тысячелетие — как новая эпоха. Эпоха информационной цивилизации. Еще вчера мы видели журналиста, который, подобно хорошему писателю, пропускал через свое сердце людские горести и радости. Журналист, будто Тиль Уленшпигель, объявлял нам: «Я — ваше зеркало!» И мы, если хотели, то видели себя в этом зеркале. Сегодня журналист не хочет просто так, из чувства общности с нашими горестями и радостями, держать перед нами зеркало. Он добывает информацию, как добывают сырье, и перерабатывает ее, как сырье перерабатывают, а потом продает. И складывается очень странный рынок, на котором товар не переходит из рук в руки, но за него платят. Если не за сам товар, то за право на него посмотреть (есть же закодированные порнографические телеканалы: плати — и увидишь, правда, не только сам, а вместе с теми, кто тоже заплатил за декодирующее устройство, иными словами, обладать не будешь, но посмотришь). И еще одна странность замечается. На солидном рынке хороши товары оригинальные, замечательные всяк по-своему, а иначе не выживешь — конкуренция. В журналистике она тоже присутствует в виде поиска сенсационного и зрелищного — кто раньше! Однако, как обоснованно полагает один из интереснейших социологов наших дней П. Бурдьё, поиск эксклюзивного, который в других областях порождает нечто оригинальное и единственное в своем роде, здесь приводит к единообразию и банализации. И все от того, что в мире журналистики очень много значат закрытость и самоцензура, так как слишком отличаться друг от друга — значит «рисковать»⁵.

Всеобщее уподобление информации товару и породило новую журналистику, характеризовать которую, так уж получилось, мы начали с черного хода, который, конечно, не очень красив, но функционально целесообразен: «если звезды зажигают — значит это кому-нибудь нужно». Есть и парадный ход, который отличается от черного только содержанием циркулирующей через него информации, но не принципом отношения к ней. И если кому-то непременно нужно в огромных количествах показывать довольно убогую формой и содержанием порнографическую продукцию, то кому-то требуется обнаруживать ранее потаенную информацию, через СМИ прокатить очередной «пробный шар» в виде «утечки» политических замыслов, витающих в кабинетах власти, и т. д.

Надо сказать, что времена непосредственного «скармливания» информации журналистам миновали. Три десятилетия назад еще можно было Боба Вудворта и Карла Бернштейна, до того довольствовавшихся подсобной репортерской работой, осчастливить скандальными политическими сведениями. Да так, что несколькими годами позднее «уотергейтское дело» будет именоваться «величайшим триумфом журналистики XX в.», а молодые репортеры превратятся в миллионеров⁶. Однако общественность по сей день так и не знает всей правды — кто же «скармлил» Вудворту и Бернштейну взрывоопасную информацию, какой ее источник так и остался в истории инкогнито, укрывшимся под псевдонимом «Глубокая глотка»...

Все это в прошлом — и открывшаяся правда, и нераскрытые тайны. Если бы сегодня журналисты, подобно репортерам из «*Вашингтон пост*», пошли по пути изучения какого-либо очередного «уотергейтского дела», то несложно прогнозировать, что в лучшем случае их мало кто заметил бы, а в худшем — коллеги репортеров заклеили бы их как «сливающих компромат». И, может быть, оказались недалеко от истины. Да, в одну реку дважды не войти — история изменилась, и лавры «Уотергейта» уже не применишь, и не «глубокая глотка» — тайный ее герой.

Причина — явное изменение социальной реальности. Профессия журналиста бесповоротно превратилась в массовую со всеми вытекающими из этого факта последствиями. Это означает, что тысячи и тысячи журналистов ежедневно, ежечасно в окружающей реальности обнаруживают информацию и транслируют ее по каналам массовой коммуникации. Как в море коралловые рифы создаются микроскопическими существами, так и массивы проносющейся вихрем по планете информации сотканы из великого множества маленьких и больших новостей, сведений, подробностей, добытых журналистами. Будет ли в этой ситуации востребованной новая «Глубокая глотка», все еще ищущая возможность обнаружить нечто и при этом многое скрыть? Пожалуй, нет. Сегодня скрывают иначе. В одном из рассказов Честертона есть подходящее для этого случая рассуждение: где надежнее спрятать пись-

мо — среди других писем, где лучше спрятать березовый листок — среди листьев осеннего леса. Так и информацию, если требуется, прячут в море другой информации.

Это означает, что сегодня, как никогда ранее, особенно ценным становится **познание** — и как процесс добывания истины, и как новое обретенное знание. Однако еще большую ценность обретает **знание о методе познания**. Что ж, круг логично замыкается: если человечество вступило в информационную цивилизацию, то способ добычи и обработки информации есть ее краеугольный камень. В любой области деятельности. В журналистике тем более.

Функционирование журналистики в современном обществе и ее предметное воплощение в массовой коммуникации, этом особом образовании XX столетия, пролонгированном в новое тысячелетие, призвано, как кажется на первый взгляд, в максимальной мере удовлетворить информационные запросы всего общества. На самом деле до достижения такого идеала далеко. Так что самое время задаться некоторыми вопросами. Например, о полноте информации, транслируемой при посредничестве журналистов по каналам массовой коммуникации, т.е. какая часть информации и по каким причинам отсекается. Или же вопросом о тождественности встречных потоков информации: всегда ли обеспечивается эквивалентный обмен информацией между разными социальными группами и институтами общества.

Не менее значимы вопросы об оперативности и своевременности информации, ее точности, так как информация представляет собой духовное образование и по разным причинам может искажаться. Среди причин, как утверждает Ч. К. Уэст, с одной стороны, неспособность социальных институтов справляться с потоками информации, а с другой — намеренное искажение, ведь именно искажение информации, по мнению Уэста, является истинным сердцем пропаганды. А пропаганда — это тот воздух, который окружает человека в современном мире⁷.

Среди тех, кто подчас не справляется с потоками информации и кто порой слишком произвольно интерпретирует те или иные сведения, нередко и журналисты. Отсюда замечаемая многими склонность журналистов к простым решениям. Спору нет, наивным может оказаться любой из нас, но нельзя других побуждать быть наивными. Вот автор газетной публикации пишет об Израиле, в котором неукоснительно выполняется правило — ни при каких условиях не вступать в переговоры с террористами и всегда силами спецназа достигать их в актах возмездия. Однако журналист не ограничивается констатацией достойного общественного внимания факта, а пытается обобщить: если бы такую позицию приняли все, никакого терроризма уже не существовало бы⁸. Два заблуждения — что кто-то способен силой победить терроризм и что есть простые пути к решению этой проблемы — замечаются сразу же. Если же учесть название публикации «Терроризм как способ борьбы меньшинства с большинством», можно утверждать, что есть и другие.

Прав Л. С. Сангистербан: информация — это орудие битвы⁹, но в то же время это и поле сражения, и та цель, ради которой сражение затевается. В этом смысле обращает на себя внимание утверждение, что исследования средств массовой информации из достаточно узкого научного направления превращаются в одну из ключевых областей социальных наук¹⁰. И действительно, о какой бы проблеме ни говорилось сейчас, какой бы громкий факт действительности ни разбирали, аналитики со всегда повторяющейся неизбежностью обращаются к деятельности СМИ, работе журналистов, соответствующим образом оценивая их. Сегодня окружающий мир познают СМИ и, наоборот, о переменах в мире мы судим с помощью СМИ, по результатам труда журналистов. Такой поворот в развитии одного из примечательных сюжетов в сфере познания давно предвиделся: все увиденное состоит наполовину из увиденного другими, свидетельств других, писал М. Блок¹¹.

В социологической литературе последних десятилетий неоднократно повторяется мысль о все возрастающем значении СМИ для социализации личности, что влечет за собой как позитивное, так и негативное начало. О последнем писал еще Т. Адорно, полагавший телевидение основным источником современной мифологии¹². Если даже не останавливаться на том позитивном или том негативном, что несут сознанию индивидов СМИ, то и тогда несомненным остается факт, что подавляющему большинству людей образы окружающего их мира, представления о реальности формируют журналисты. Нравится это кому-то или нет, но такова социальная роль журналистов в данное историческое время. Настанет иная эпоха, возможно, иначе будет выглядеть социальная роль специалистов массмедиа.

Последнее нуждается в некотором обосновании.

Как известно, у людей представления о действительности складываются на основе информации, получаемой человеком из разных источников, среди которых семья, школа, ближайшее окружение, коллеги, дальние и случайные знакомые, книги, фильмы, спектакли, СМИ, личный опыт. . . Известно также, что с течением столетий доля лично приобретаемого опыта в становлении личности человека неуклонно сокращается, все больший вес приобретает чужой опыт, сведения о котором доходят до сознания каждого из нас в основном через СМИ. Так это выглядит сегодня, в эпоху тотального ускорения социальных и технических перемен (воспользуемся понятиями из классических работ М. Маклюэна¹³ и Э. Тоффлера¹⁴), а всего лишь полвека назад чужой опыт переходил к нам в сло-

вах родителей, учителей, со страниц книги. Но на рубеже столетий учителей слушаем все меньше, заветы матери воспринимаем вполслуха, а книги листаем уж совсем лениво. От чего СМИ заполняют образовавшийся вакуум совершенно закономерно, и утверждаются при этом в отчетливо приобретающей оттенок тотальности социальной функции формирования в нашем сознании представлений о реальности.

Следовательно, сегодня очень часто источником познания становится журналист. И вот здесь-то нам предстоит преодолеть один соблазн, который по своей банальности и назойливости подобен навязчивому рекламному тексту в Интернете — так и мелькает перед глазами, так и призывает «кликнуть» по нему. Соблазн заключается в желании разрешить себе пустить дальнейшие рассуждения в надежное и достаточно апробированное русло, в котором априори подразумевается легковесность, несolidность СМИ как источника познания мира. Отсюда — в противовес несерьезным трудам журналистов — морализаторского плана сентенции об укреплении роли семьи, школы, о пропаганде книжного знания и пр. Слов нет, все это бесспорно важно, и опровергать бессмысленно. Но при условии, если мы зададимся вопросом: когда и кто постановил, что осваивать социальную действительность с помощью журналистов нельзя и недостойно?

Думается, с подобным отрицанием плодов журналистики пора расстаться. При этом неплохо бы вспомнить, что еще в начале XX в. писал о журналистах М. Вебер: журналист не поддается устойчивой социальной классификации, он принадлежит к некоего рода касте париев, социально оцениваемых в «обществе» по тем ее представителям, которые в этическом отношении стоят ниже всего. И отнюдь не каждый отдает себе отчет в том, что по-настоящему хороший результат журналистской работы требует по меньшей мере столько же «духа», что и какой-нибудь результат деятельности ученого, прежде всего вследствие необходимости выдать его сразу, по команде и сразу же оказать эффект, при том, конечно, что условия творчества в данном случае совершенно другие. Однако, продолжает Вебер, почти никогда не отмечается, что ответственность здесь куда большая и что у каждого честного журналиста чувство ответственности в среднем ничуть не ниже, чем у ученого, но выше. А не отмечают данный факт потому, что в памяти естественным образом задерживаются именно результаты безответственной деятельности журналистов в силу их часто ужасающего эффекта. Никто не верит, что в целом сдержанность дельных в каком-то смысле журналистов выше в среднем, чем у других людей¹⁵. Пора не отрицать журналистику и СМИ как источник познания, а вполне реалистически рассортировать журналистские тексты на «экологически чистую» продукцию и продукцию с недопустимой дозой агрессивных и потому уже вредных нам синтетических консервантов.

Журналистика в качестве источника познания имеет определенные особенности. В связи с чем зададимся вопросом: почему все-таки журналистские тексты воспринимаются научным сообществом в целом чаще всего почти скептически, в лучшем случае снисходительно, и что мешает изменить такой взгляд? Как ни странно, но обычно наибольшая помеха — само журналистское произведение и сам образ журналиста в массовом сознании. Так было и 100 лет назад: «грязные репортершки», они же «разгребатели грязи» в истории американской журналистики; образы ловких, проницательных писак, вышедших из-под пера М. Твена, А. Конан-Дойля; до того нелестные характеристики Н. Гоголя. . . Прямо скажем, все это не очень обнадеживает. К тому же нельзя забывать, что отныне журналистика стала профессией массовой, оттого в отдельно взятом газетном тексте содержатся только микроскопические крупинки познания, не всегда заметные наблюдателю, а в иных материалах их и вовсе нет. Следовательно, собственно познание общества сквозь призму журналистики возможно только через анализ *массивов* журналистской информации, когда даже непременно встречающиеся весьма крупные вкрапления ложного знания в итоге обернутся во благо познания истинного, объективного. Получается, что продукция журналистики должна быть подвергнута процедуре неоднократной возгонки, чтобы в конечном счете выступить в качестве достоверной информации об окружающем мире.

Журналистика как форма познания давно утвердилась среди феноменов общественной жизни, став самым конкретным, эмпирическим из обобщенных форм познания действительности — обыденно-обобщенным способом, как пишет об этом Л. Свитич. Она называет журналистику философией сиюминутности, ситуативной реальности. И дает точное различие между фундаментальной наукой — философией, которую характеризует как познание сущности эволюции Вселенной и человека, и журналистикой, которую воспринимает как *отражение* (хотя и не всегда адекватное) сегодняшней земной реальности¹⁶. Таким образом, журналист выступает как субъект познавательной деятельности.

Познание есть общественно-исторический процесс творческой деятельности людей, формирующий их знания, на основе которых возникают цели и мотивы человеческой деятельности и т. д.¹⁷ В названном процессе можно выделить следующие моменты:

а) чувственное и рациональное восприятие журналистом¹⁸ окружающего — это первый акт познания, но следует сказать, что не с него все начинается, все начинается с оформленного интереса и возникающей потребности в новом знании;

б) творческое усвоение и переработка познанного во время создания журналистского текста — это

уже акт формирования (сложения) знания, т. е. знание выступает как факт, как итог ему предшествующего процесса;

в) выявление обществом смысла познания, ценности познания как процесса через обнаружение в знании целей и мотивов деятельности субъектов познания — как активных, так и пассивных.

Иначе говоря, собираем камни, рассматриваем и рассказываем о них всем, кому интересно, а потом сообща решаем — выбросить найденное или пустить в дело и какое именно. Конечно, замечаем проблему: вокруг слишком много камней, и надо решить, за какими нагибаться, за какими — нет. Впрочем, решение в области журналистики давно известно: журналиста интересуют только социально значимые факты, явления, процессы прошлого, настоящего и возможного будущего. Если кому-то покажется, что отобранный журналистом для анализа и публикации факт не несет в себе социальной значимости, то это может свидетельствовать либо о предвзятом отношении к творчеству или занимаемой позиции автора журналистского текста (газете или телеканалу, в котором он выступает), либо о нашей научной беспомощности — даже в самой низкопробной газетенке публикуемая информация имеет социальную значимый характер, в противном случае она не превратится в товар.

В журналистике как области профессиональной деятельности особенно заметно противоречие между стремлением журналиста к глубине и точности познания и сиюминутностью отражения реальности, что укладывается в ряд специфических аспектов современного политического познания, которое в большей степени относится к журналистскому. По мнению А. Панарина, это дефицит времени для познания, а также связанная с ним особенность массового общества предпочитать скорые решения оптимальным¹⁹. Выходит, что здесь еще одно противоречие. Это ни плохо, ни хорошо — таква изначально, исторически заданная характеристика профессии.

Конечно, возникшее противоречие за счет чего-то снимается. Крупные журналисты, понимая налагаемые оперативным пространством ограничения на проявления их творческой потенции, сами же доводили эти ограничения до предела. Казалось бы, тем самым усугубляли ситуацию, но на деле обнаруживали позитивный выход: не читаю ничего лишнего, ничего того, что загромождает память, не давая культурного накопления; избегаю частого перебарывания из одной области [познания] в другую — эти правила можно обнаружить среди суждений Михаила Кольцова. В них просвечивает определенный налет утилитаризма, но публицист тут же выдвигает разумный противовес слишком деловому подходу к проблемам творчества: по каждому вопросу стараюсь, пусть даже с потерей времени, почитать лучше первоисточник, чем последующие извлечения, популяризации, это уменьшает возможность пере- и недооценок, дает больше возможностей для критического анализа перчитанного и, главное, придает больше свежести полученному знанию²⁰. И еще одно удивительно полезное профессиональному журналисту наставление: люди, документы, вещи и факты «говорят лишь тогда, когда умеешь их спрашивать»²¹.

Естественно, познание ради удовлетворения личного любопытства в журналистике не совершается. Этим может заниматься ученый-анакорет, но никак не журналист, сама суть труда которого выражается в непрерывности ряда публичных деяний — общения, социального передвижения, поиска информации и ее передачи (тиражирования) по соответствующим каналам. В журналистике познание без цели, без мотивов, без как-либо понимаемой необходимости — нонсенс.

Однако не хочется быть понятым прямолинейно, в лоб. Журналистика как род занятий всегда почиталась творческой профессией. Такой она, несмотря на известное свое омассовление, и остается. И потому был, есть и всегда найдется такой журналист, который, исходя из никому не понятных побуждений, подчас и ему самому, берется за узнавание чего-то для всех странного. Это хобби, пожимая плечами, говорят окружающие. Нет ни заказа, ни приказа, а он идет и идет — когда в призрачной надежде на то, что со временем труды окупятся, кому-то нужными станут, а когда и без нее вовсе. «Душа, притихнув, ждет событий», — сказал Юлиан Тувим. Кем-то одним познанное подчас способно внезапно сверкнуть необходимым знанием для всех, потому что смутное, неоформленное влечение к познанию можно расшифровать и как интуитивное выражение грядущего веления времени, которым, говоря словами Б. Пастернака, «дышат почва и судьба».

И журналистика, и процесс познания в широком смысле слова — части социальной практики, которая подразумевает под собой преобразующую относительно природы и других людей деятельность человека. Эта деятельность, по причинам объективного свойства, не может быть бесконфликтной. Так что журналистика как форма общественного познания несет в себе, с одной стороны, отражение бушующих или тлеющих в социуме конфликтов, с другой — сама является одним из участников конфликта, борьбы. Она логично находит себе место в любой из трех теоретически выделенных М. Фуко пар понятий, которые целиком и полностью покрывают всю область познания человека: это *функция* и *норма*, *конфликт* и *правило*, *значение* и *система*. Так, *функции* выдают сущность человека, а *нормы* приспособляют его к реальности; *конфликты* — это проявление человека в предельной для него ситуации, а *правило* — одновременно и ограничение, и преодоление конфликта; высказывание чего-то, даже незначительный человеческий жест, получают *смысл*, а все осмысленное — объекты, ритуалы, привычки,

речь — складывается в связный ансамбль, в систему законов²². В этом построении философа отчетливо видна особая роль конфликта, который преодолевается не в одной, только ему отведенной паре, но и в других: нормы образуются за счет конфликта функций человека с окружающей средой, знаки становятся закономерным следствием перевода индивидуального смысла в общественный, означенный для всех.

По причине забвения научных постулатов об единстве и борьбе противоположностей, диалектики отрицания, принципа детерминизма, сущности социальных противоречий не то что приходили к своему краху научные, творческие школы — целая социальная система не выдержала (речь идет о социализме в его позднем советском варианте и его догматизированном идеологическом обеспечении, когда ученые-обществоведы, как ни старались, так и не смогли сформулировать основное противоречие социализма). А еще, как известно из истории литературы, на рубеже 40–50-х годов XX в. возникла даже целая теория бесконфликтности в литературных произведениях. Теорию попытались было применить в литературной и журналистской практике, но ничего не получилось. Пустая затея, как позднее убедились все. Показ соревнования хорошего с отличным породил бесцветную и никому не интересную литературную продукцию. Конфликт — противостояние, борьба — заложен в самой сущности жизни. Соскребите с лика планеты все леса и горы, отполируйте Землю наподобие бильярдного шара, как иронично советовал булгаковский Воланд, все равно свет и тень останутся, и тогда про конфликт не забудется.

Думается, чему-то должен учить опыт трудных. Хотя бы в части уважения объективных законов познания, знания реальности и придания ему смыслов. Но ничего подобного! Оптимизм теории порой напрочь разбивается о вульгарную практику, как будто с этой теорией никто и не знакомился. Так, со страниц славной своей политической историей газеты федерального уровня, в которой на протяжении более чем 80 лет отражалась сложнейшая противоречия общества, страны, людей, на страницах которой разворачивалась острейшая идеологическая борьба, читающая публика с изумлением узнает, что есть журналисты, для которых борьба заключается. . . в полном отсутствии борьбы: мол, бороться бессмысленно²³.

Обозреватель С. Новопрудский не только, так уж получается, вознес хвалу гагарам, которым, как известно, «недоступно наслаждение битвой жизни», но и подвел под нее теоретическую базу: проложить к свободе дорогу грудью не удалось, да и в конце концов наши родители и родители наших родителей, и родители родителей наших родителей слишком долго коллективно и бессознательно боролись за абстрактное добро в государственной интерпретации, чтобы у сегодняшних жителей России появилась роскошь пожить для себя²⁴. Что ни слово, то перл филистера. Дай волю такому, и жизнь замрет, себе ненужной окажется. . . И познание таким образом изничтожится. И журналистики как формы общественного познания тоже не будет: зачем познавать что-либо, если стимул к тому отсутствует. Нет борьбы за жизнь, идеалы, ценности, нет и журналистики — одни развалины смысла. Но что же тогда остается на этих руинах? Думается, одно гипертрофированное Я, в чем фактически расписался автор газетной публикации, поскольку он уверен в своем избранничестве возвышении над массами: «. . . народные массы всегда безразличны к высоким целям, а небезразличие могут проявлять только отдельные, самостоятельные личности. . . И пусть весь мир подождет. . .»²⁵

Да, можно объявить себя мыслящей самостоятельной личностью, а другим внушать идеи о пользе бездумия, но объективную действительность тем самым не отменить. И свой долг журналиста адекватно отражать реальность не отринешь. Только при всей правильности этих утверждений в них все равно что-то вроде занозы прощупывается: каждый ли журналист способен на объективное познание? Вопрос, на первый взгляд, сродни императиву Новопрудского по поводу редких самостоятельных людей и бессмысленных народных масс. Но только на первый взгляд, да и то поверхностный.

На самом деле мы говорим о разных вещах. Новопрудский — скрытый агностик, по крайней мере в позитивистском истолковании понятия. Мы же придерживаемся мнения, что любой журналист находится в непрерывном процессе познания мира. Другой вопрос: насколько верно он познает и в какой мере достоверно отображает познанное в результатах своего творчества. Поэтому-то на одно из первых мест и выходит, как уже говорилось выше, проблема метода познания. В конечном счете ни искреннее желание познать мир, ни внутренняя порядочность, ни даже понимание сути познания как смысла общественного бытия журналиста не выручат: не дано познать и все тут! Метод нужен. И его может вручить журналисту только наука. Причем наука ценящих тезис К. Маркса «Подвергай все сомнению», т. е. наука сомневающихся.

О тезисе невольно напомнила публикация беседы М. Токаревой с молодыми петербургскими историками. И вот парадокс: сказанное молодыми учеными в концептуальном плане — как понимать нашу историю — видится даже очень спорным, но идея отказа от привычных способов, методов восприятия истории воспринимается чрезвычайно плодотворной, потому что метод во многом определяет результат. В этом не раз убеждала практика. Скажем, совершенно закономерно, что догматика советского обществоведения 70–80-х годов XX в. постоянно приводила к одним и тем же выводам: воспользуйся ею

снова — и вернешься к тому, от чего ушел. Воспользуйся идеями Фукуямы по поводу конца истории — много результата не получишь, все к тем же выводам американского ученого и придешь. Поэтому историческая реальность побуждает снова и снова думать о методе: меняются представления — меняется история²⁶.

Можно найти и другие наглядные примеры, вполне убедительные и поучительные. Сошлемся на известные нам новаторские подходы к изучению, казалось бы, давно известного, объяснению вроде бы необъяснимого другими в трудах Л. Н. Гумилева или А. Тойнби — фактически о смене представлений ученого и вырастающем на этой основе новом витке знания, когда устоявшиеся стереотипы рушатся, и все потому, что особо полезным оказался нетрадиционный взгляд исследователя на предмет своего познания.

Сказанное имеет особое значение для журналиста. С чем бы журналистика ни сопрягалась — с политикой, социологией, педагогикой, этикой, культурологией, историей, с чем бы ни соприкасалась — с пропагандой, просвещением, организацией, какую бы роль ни примеряла — агитатора, учителя, моралиста, политика, историка, все равно вопрос о методе познания остается одним из важнейших. Впрочем, не удовлетворяемся достигнутым, а попробуем рискнуть и скажем, что для журналистики важен не столько сам метод познания, сколько принцип его выбора. Это нуждается в особом пояснении.

Для журналистики в познании действительности первично выражение общественной потребности — это смысл ее функционирования. И не существенно, в явном или латентном виде выражена эта потребность. Чтобы там ни говорилось в теории, чтобы ни творилось на телеэкранах, а все-таки журналистика остается важнейшим каналом публичного обмена социально значимой информацией в виде сведений, новостей, идей, программ, воззваний и пр. Журналистика служит обществу, а не наоборот. Поэтому познание есть функция, «вручаемая» журналисту обществом. И надо реализовать эту функцию, да так, чтобы не относиться свысока к тем, кто тебе ее доверил, верно и исключительно чутко отвечать на запросы общества. По большому счету, в контексте заявленной проблемы есть только три варианта ответа на вопрос, в какой роли для общества может выступать журналист:

а) журналист — «сам себе мыслитель» (таким является, например, уже названный нами обозреватель *«Известий»*);

б) журналист — «счетчик Гейгера» (их, хроникеров, бесстрастно регистрирующих происходящее в жизни, чаще на поверхности, реже — в глубине, сегодня развелось очень много);

в) журналист — человек сомневающийся.

Не стоит скрывать, вариант «в» нам других милее.

Познание — это ответ на сомнение и само по себе сомнение. Меняются смыслы — меняется история. Мы каждый день новые, или обновленные. На себе познаем, что в одну и ту же реку дважды войти не дано. И все из-за своенравной категории времени. Время может быть объективным, субъективным, социальным, прошлым, настоящим, будущим... Настоящее — это «теперь», когда есть «время и возможность», а «теперь» находится между «еще рано» (время не наступило и еще нет возможности) и «уже поздно» (время вышло, возможности больше нет). Получается, что нас всегда интересует происходящее «здесь и сейчас» ради познания того, что случится «там и потом». «Здесь и сейчас» — это и есть настоящее, т. е. та самая почти неуловимая ниточка, через которую прошлое мгновенно переходит в будущее. Оттого на эту ниточку дважды и не наступишь, она каждый миг иная. Журналист всегда стремится передать в актах своего творчества познанное настоящее, а отражает либо минувшее, либо еще не ставшее реальным. Точно попасть в «яблочко» выпадает не каждому, хотя каждый на это надеется.

Воспринимая все сложности очерченной модели журналистского познания, уже в первом приближении понимаем, что сама практика журналистики указывает на важнейшие сферы научного знания, взаимодействуя с которыми журналист в максимальной степени познает социальную действительность. Взаимодействие с этими сферами создает метод, или методы, познания. Назовем сферы: это история, социология (в очень широком истолковании слова, обретающем социально-философский аспект) и прогнозирование (органично сочетаемая с философией футурология). И соответственно методы: *исторический, социологический и прогностический*.

Хотя реалии журналистики отчетливо указывают на названные методы, с их применением на практике все еще неладно. Так, исторический метод подразумевает по крайней мере необходимость воспринимать историю такой, какой она была, без изъятий и прибавлений. Вообще говоря, это азы профессии, начала культуры. «Любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам», если воспользоваться мудрыми словами А. С. Пушкина, не может мирно ужиться с буйной политизированной фантазией по поводу минувшего. Такой фантазмагории о прошлом России любого периода предостаточно, но особенно — ее советской истории. Естественно, каждый вправе давать свои оценки кому бы то ни было и чему бы то ни было, но не волен резвиться в *действительно* случившемся, безответственно переписывая общественное бытие.

Надо сказать, что наша пресса густо пронизана реминисценциями страниц сравнительно недавне-

го советского прошлого — то валом идут «разоблачения», создаваемые, как потом выясняется, за пять минут без отрыва от редакционного стола, то начинается «реабилитация» еще недавно проклинаемых персонажей истории. Правда, прямой и обратный процессы, при всей их схожести (насколько сходными можно считать разнонаправленные деяния), в социально-политическом плане имеют разную природу. Первый непосредственно указывает на наличие в общественной жизни новой политической силы, которая в стремлении обрести власть расширяет себе идеологическое пространство. Второй связан уже с утвердившейся силой, которая желает окончательно упрочить свое положение, в том числе и за счет выстраивания в общественном сознании надежных связей настоящего с прошлым, соответственно складывающихся представлений о преемственности, идентификации с наиболее яркими страницами истории. Такова природа, например, вдруг заново вспыхнувшей на рубеже 2002–2003 гг. полемики вокруг имени Сталина: на страницах «Комсомольской правды» историк Ю. Жуков в нескольких номерах газеты излагал свою версию понимания Сталина, что достаточно удачно комментировал в «Санкт-Петербургских ведомостях» в беседе с политическим обозревателем газеты В. Кошванцом профессор В. Калашников²⁷. Спорят-то историки, но они выступают как публицисты и не без помощи профессиональных журналистов, и потому мы оцениваем их публикации по канонам журналистики.

Наша задача не в том, чтобы дать ответ на вопрос, кто же прав во всех этих спорах, бесчисленных обозрениях советской истории. Нас интересует в принципе иное: почему журналисты не придерживаются в своей работе надежного принципа историзма, почему в их сознании не доведена до автоматизма сама мысль о практической целесообразности научного познания и, следовательно, адекватного отображения реальности. Как это ни прискорбно, но надо согласиться с Б. А. Грушиным, который утвердился в мысли о власти всеобщего исторического бескультурья. Журналисты не выпадают из этого общего ряда, когда без тени сомнения, без намека на какое-либо смущение пользуются литературными штампами и политическими стереотипами. Б. А. Грушин, известный социолог и, что в данном случае особенно важно, автор многотомного сочинения «Четыре жизни России в зеркале общественного мнения», заметил, что историческое бескультурье — глобальная прореха в нашем общественном сознании. И, словно обращаясь непосредственно к журналистам, заявил: утверждение, что народ в советские времена был либо поголовно обманут, либо загнан в социализм путем всеобщего насилия — вздор. В действительности социалистическая система держалась не только на КГБ и Агитпропе, но и на воле и интересах народа²⁸.

Даже если судить по подзаголовку публикации беседы Грушина «... О большом сознании большого общества», с рефлексией по поводу истории у журналистов явно не все в порядке. С социологическим мышлением — аналогично: любой легко припомнит не адекватное отражение интересов общества, скажем, на телеэкране, когда одни социальные группы с их настроениями, надеждами замечаются, приветствуются, другие — нет, будто бы их заботы никому не интересны, их проблемы можно игнорировать, подменять чем-то истощающе развлекательным, т. е. осуществлять манипуляцию общественным сознанием. При этом любой оправдывается тем, что все совершается им ради исторического прогресса. Так неоднократно делал Н. Сванидзе, объясняя отход значительной части журналистского корпуса от идеалов демократии: в 1996 г., чтобы только не допустить на президентских выборах победу Г. Зюганова, очень многие пошли на службу к нелюбимому им Б. Ельцину, скрывая от избирателей всю не удобную для последнего правду²⁹. И не то плохо, что служить нелюбимому патрону стали, плохо, что на обман пошли. Как говорится, лиха беда — начало. А заявление «ради исторического прогресса» (оно из инструментария манипуляторов) — это подмена сущности иного, благородного понятия. Конечно, прием с подменой понятия никак не вписывается в процесс познания, понимаемый в качестве смысла и нормы общественного бытия журналиста.

Думается, пора разобраться, что чем в журналистике определяется: норма — познанием, либо познание — нормой. Если анализировать приведенный выше пример, то поведение в 1996 г. Сванидзе и К^о явно указывает на первичность сформулированной, по всей видимости, авторитетами от политических технологий и принятой многими журналистами нормы («Зюганов не должен быть президентом страны, потому что не должен быть»). Строго говоря, такого рода норма — либо наглядное свидетельство острейшего гражданского конфликта (возможно, даже гражданской войны), либо откровенно искусственное образование, перенесенное в настоящее из другого времени, в котором оно когда-то было естественным. Поскольку в виде гражданской войны противостояния политических сил не было, то верным оказывается второе предположение. В связи с этим полезно вспомнить, как однажды Маризета Шагинян подметила ясную для здравого смысла обреченность всякой попытки жить и действовать в одной определенности с надстроечным багажом другой определенности³⁰.

Познание задает норму общественного бытия журналиста, потому что оно исследует собственно общественное бытие, которое и есть первичная материя, в том числе и по отношению к познанию. Актуальное общественное бытие диктует принципы, методы познания в журналистике и придания результатам познавательной деятельности соответствующих эпохе смыслов. Здесь воедино сходятся исторический, социологический, прогностический методы. Их наличие объясняет первичность адек-

ватной общественному бытию познавательной деятельности журналиста. И в этом аспекте познание нормально, т. е. укладывается в норму, а искажение знания является отступлением от нормы.

Л. Н. Гумилев однажды афористично определил: идеал — далекий прогноз³¹. Нам тоже нужен прогноз, нам нужно предвидение, какой будет журналистика завтра, какую общую теорию журналистики создавать сегодня. Это, с одной стороны, проблема принципиально нового взгляда на социальную действительность, и его надо найти, с другой — времени. Это не наше субъективное время. Это объективное время эпохи — новое, незнакомое, которому подавляющее большинство из нас все еще пытается придать черты минувшего. Отсюда и стремление приладить к нему прежние теории, конечно, трансформируя их, однако, не получается. Новая трансформация — и новый отрицательный результат, потому что в новом обязательно ищется старое. В то время как «на дворе» принципиально иная социальная и политическая реальность.

Сегодня мир осязаемо и видимо для каждого из нас соткан из энергии и информации. Так было всегда, но никогда еще это не было настолько понятно любому наблюдателю. И именно это обстоятельство с неизбежностью порождает мысли о новом качестве социального. Во главе энергия и информация, потому и массовая коммуникация выступает то как знамение, то как проклятие времени. Оттого и следует утверждение, что *иная, не привычная нам журналистика родилась, или рождается*. С какой физиономией — это изучать надо. Сегодня же отметим главное: новая журналистика из надстройки общественных процессов и явлений перешла в базис социального. И потому осмелимся предположить — не из нового политологического и социологического знания следует выводить теорию журналистики, а наоборот, журналистика обеспечивает информационный обмен в обществе, а это ^{1/2} сущности (энергия плюс информация) социального мира.

Так что приоритетной должна выглядеть задача создания современной теории журналистики. Решение этой задачи за будущим, но обеспечивать такое решение предстоит сегодня. Иными словами, подразумеваемая названную цель приоритетной, начать заполнение «пустых клеточек» нашего знания в области современного функционирования журналистики по следующим особо актуальным разделам: 1) гносеология и онтология журналистики; 2) журналистика в системе социального; 3) журналистика в политическом измерении.

Первый — философско-социологический — раздел отчетливо выделяет ряд исследовательских направлений, изучение которых позволит осмыслить современное место и роль журналистики в социальной действительности, внутренне присущие журналистике свойства и способности к познанию мира: журналистика как субъект и объект познания; журналистское познание в системе социального философского освоения мира; социальная действительность и журналистская картина мира; противоречие в журналистике; психологически, логически и непосредственно очевидное в журналистском отображении действительности; методология и методы журналистской оценки социальных и политических процессов; идеология, геополитика и прогнозистика в системе журналистского освоения действительности; формирование и регулирование общественного дискурса современной журналистики; диалектика общечеловеческого и национального в журналистике как проблема глобальной информационной цивилизации; виртуализация социального как функция телевизионной журналистики; свобода воли в журналистике.

Исследование проблематики второго раздела позволит актуализировать особенности местонахождения журналистики в социальной системе в качестве одного из важнейших институтов общества, поэтому не случайно в перечень направлений для изучения входят вопросы социальной стратификации журналистики; демассификации СМИ и генезиса «сверхточной» журналистики; соотношения журналистики и социального контроля в рыночно ориентированном обществе. Такие темы во многом продолжают начатое предшественниками, но в иных социально-политических условиях. Отчего продолжение, с одной стороны, позволит установить преемственность истории, методологии изучения, с другой — четко определить «координаты» журналистики в новом веке. Итак, возобновим перечисление направлений изучаемого раздела: журналистика и элитная среда — закономерности взаимопроникновения; «понимающая» журналистика как метод журналистского анализа фактов, явлений, процессов социальной действительности; журналистское моделирование и прогнозирование социальной динамики; конформизм журналистики и журналистов; социальные настроения в журналистской интерпретации картины мира; гуманизм, принципы социальной справедливости и журналистика; социокультурные коды коммуникации в практике современной российской журналистики; политическое, социальное и корпоративное в структуре ценностей журналистского сознания.

Третий раздел исследований всецело ориентирован на введение журналистики в контекст политологического знания, без которого понимание журналистики в эпоху информационной цивилизации может оказаться явно недостаточным. В настоящее время ощущается особый дефицит исследований в этом направлении, несмотря то, что в СПбГУ, например, существует диссертационный совет, в котором происходит защита докторских и кандидатских диссертаций по политическим наукам по специальности 10.01.10 — Журналистика. Известно также, что по интересующей нас проблематике диссертации

по политическим наукам защищаются и в других советах, правда, не по профильной для нас специальности, а это в каком-то смысле снижает их актуальность для изучения собственно журналистики. Данный раздел включает в себя следующие направления: журналистика в системе политической коммуникации; политическая журналистика и политическая сущность журналистики; журналист как политик; журналистика в сфере политики: лояльность, оппозиция, конформизм; политические ток-шоу как иллюзия общественной сферы и как элемент публичного дискурса; журналистика как составляющая практики терроризма; глобализация массовой коммуникации и национальная идентичность журналистики; театрализация журналистики в контексте демократических ценностей; журналистика и идеологический протекционизм³².

Завершить наши рассуждения хотелось бы, как думается, убедительным примером. На одном из научных семинаров, проходивших в стенах факультета журналистики СПбГУ, доцент В. И. Кузин обратил внимание собравшихся на примечательный факт: кто бы из политиков, политологов, представителей спецслужб что бы ни говорил о трагических событиях в Москве во время захвата террористами театрального центра на Дубровке (2002 г.), так или иначе каждый из них в основном анализировал деятельность в эти дни и ночи средств массовой информации и отдельных журналистов. Полагаем, это важное свидетельство все возрастающей и изменяющейся роли журналистики в обществе. Да, журналистика познает мир. И познание — сущность общественного бытия журналиста, потому что через его плечо в репортерский блокнот заглядывает, встав на цыпочки, само общество. Тем более мы обязаны по-новому познавать и собственно журналистику.

Summary

Pursuit of the truth by journalists is becoming a force that has an impact on social life. Journalism is a source of social cognition. Cognition as the essence of journalism determines the social existence of journalists. Reality influences cognition principles and methods in journalism. Cognition is therefore a normal way of life for the journalist. However, the pervasion of knowledge and assigning incorrect meanings to results of cognition is a distortion of the norm.

¹ Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук / Пер. с франц. СПб., 1994. С. 365.

² Веллев Г. Н. Проблема соотношения сознания и бессознательного в человеческой деятельности: опыт философско-психологического исследования: Автореф. докт. дис. М., 1994. С. 36.

³ Гуревич П. Конфигурация могущества // Тоффлер Э. Метаморфозы власти: Знание, богатство и сила на пороге XXI в. / Пер. с англ. М., 2002. С. 6.

⁴ Кин Дж. Демократия и средства массовой информации / Пер. с англ. // Новый взгляд на демократию: Межд. журнал социал. наук. М., 1991. №2. С. 113.

⁵ Бурдые П. О телевидении и журналистике / Пер. с франц. М., 2002. С. 34, 37 — 39.

⁶ Иवानян Э. А. От Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша: Белый дом и пресса. М., 1991. С. 253.

⁷ Уэст Ч. К. Социальное и психологическое искажение информации // Социологические исследования общественного мнения в капиталистических странах: Реф. сб. М., 1986. С. 159.

⁸ Чеснокова Т. Терроризм как способ борьбы меньшинства с большинством // Петерб. Час пик. 2002. № 44.

⁹ Санистебан Л. С. Основы политической науки / Пер. с исп. М., 1992. С. 101–102.

¹⁰ Воронцова-Хэтч Т. М. Массмедиа Польши в условиях социально-политической трансформации общества 1990-х гг.: Канд. дис. СПб., 2002. С. 4.

¹¹ Блок М. Апология истории. М., 1986. С. 31.

¹² Адорно Т. Телевидение и стереотипы массовой культуры // Идеология и пропаганда. Вып. 1: Реф. сб. М., 1978. С. 116.

¹³ Майзельс С. Р. Теория социальных функций массовых коммуникаций Маршалла Маклюэна // Проблемы современного общества в зарубежной социологии: Массовые коммуникации: Реф. сб. IV. М., 1974. С. 37.

¹⁴ Тоффлер Э. Футурошок / Пер. с англ. СПб., 1997. С. 28.

¹⁵ Вебер М. Избр. Произведения / Пер. с нем.; Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайденоко. М., 1990. С. 667–668.

¹⁶ Свитич Л. Г. Феномен журнализма. М., 2000. С. 124.

¹⁷ Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. М., 2001. С. 432.

¹⁸ В недавно вышедшей монографии, в которой также затрагиваются некоторые аспекты журналистского познания действительности, сказано: «Журналистский подход к познанию окружающей действительности, в отличие от строго научного, всегда базируется на единстве образного и логического начал, фактов «здорового смысла», интуиции и строгой логики» (Мансурова В. Д. Журналистская картина мира как фактор социальной детерминации. Барнаул, 2002. С. 87).

¹⁹ Панарин А. С. Философия политики. М., 1996. С. 396.

²⁰ Кольцов М. Писатель в газете. М., 1961. С. 14 — 15.

²¹ Блок М. Указ. соч. С. 38.

²² Фуко М. Указ. соч. С. 376–377.

²³ Новопрудский С. Моя борьба // Известия. 2000. 22 ноября.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Токарева М. История кончилась — история продолжается // Общая газета. 2002. № 11.

²⁷ Кошванец В. Иосиф Сталин: От старых мифов к новым? // С.-Петербург. ведомости. 2002. 21, 24 дек.

²⁸ Медовой И. Что у россиян в головах: о больном сознании нашего больного общества размышляет профессор Грушин // Общая газета. 2001. № 8.

²⁹ Свобода слова и независимость СМИ в России: Круглый стол, 5 сент. 2001 г.; С.-Петербург. Дом радио: Стенограф. отчет / С.-Петербург. обществ. правозащитная организация «Гражданский контроль». Британская радиовещат. корпорация (BBC). СПб., 2001. С. 26 — 30.

³⁰ Шагинян М. Беседы с начинающим автором (1933–1953) // Собр. соч.: В 9 т. Т. 7. М., 1974. С. 294.

³¹ Гумилев Л. Н. Конец и вновь начало: Популярные лекции по народоведению. М., 2001. С. 286.

³² Добавим при этом, что перечисление проблем по каждому из трех предлагаемых разделов, конечно, не может быть окончательным. Да это и не шпаргалка для начинающих аспирантов. Мы воспринимаем перечень направлений исследований как демонстрацию еще непознанного — расставляем вехи и там, и тут, чтобы потом к ним вернуться заново, а в обнаруженных просветах поставить новые. И так, сколько сил хватит.

Статья поступила в редакцию 26 февраля 2003 г.